

Н. Г. Петрова

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯТИВНОСТИ НА УРОВНЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФУТУРИСТОВ

На материале поэтического дискурса футуристов, представленного сборниками стихов «Громокипящий кубок» (1913) И. Северянина и «Отплыть на о. Цитеру» (1912) Г. Иванова, а также стихотворениями В. Маяковского и В. Хлебникова, написанными поэтами до 1917 года, рассматриваются особенности лексической регулятивности на уровне высказывания. Выявляется как общее, так и индивидуальное в организации познавательной деятельности читателей разными авторами.

Ключевые слова: поэтический дискурс, футуризм, высказывание, регулятивность, регулятивные цепочки, основанные на повторе тождественных лексических единиц.

Творчество футуристов в последние годы изучается в различных аспектах [1–4]. В данной статье предпринята попытка взглянуть на поэтический дискурс футуристов с позиций в теории регулятивности [5–6].

Среди основных особенностей футуризма как литературного направления исследователи отмечают «бунтарство, пафос ненависти к прошлому и активной борьбы с ним» [7, с. 124].

И. Ю. Иванюшина в своей диссертационной работе приходит к выводу, что для художественной системы футуристов характерно «сочетание несочетаемого»: «Футуристическая программа глубоко антиномична: *закономерное и случайное* (здесь и далее курсив автора. – Н. П.), *продуманное и спонтанное, рациональное и иррациональное, логическое и интуитивное, аналитическое и синтетическое, “западное” и “восточное”, элитарное и демократичное, монологичное и диалогичное*» [3, с. 3].

О. Клинг, рассматривая вопрос о взаимоотношениях русского футуризма и символизма, отмечает влияние последнего на поэтику раннего русского футуризма. Новым у футуристов, по мнению ученого, было то, что «к традиционному у символистов (идущему от Ницше) пониманию нераздельности слова и музыки Кульбин¹ добавил пластику: “Единое искусство слово, музыка и пластика”. Следует подчеркнуть, однако, что символистская поэзия в начале 1900-х годов тоже была связана с новой живописью “мирискуснической” и уже в журнале “Мир искусства” произошло сопряжение словесного и пластического, которое у футуристов приобрело особое значение» [1].

Учитывая сказанное, в задачи данной статьи входит выявление в поэтическом дискурсе футуристов как традиционного в организации читательской деятельности на уровне высказывания (т. е. свойственного и ярким представителям русского символизма и акмеизма), так и новаторского.

Материалом для исследования послужили сборники стихов И. Северянина «Громокипящий кубок» (1913) [8] и Г. Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1912) [9], а также стихотворения В. Маяковского (в том числе книга стихов «Простое как мычание» (1916) [10]), [11] и В. Хлебникова [12], написанные поэтами до 1917 года.

На уровне высказывания – основной коммуникативной единицы, способной, по В. Г. Гаку [13, с. 358], отражать целый фрагмент действительности – ситуацию, одним из способов организации читательской деятельности являются лексические **регулятивные цепочки**. Они представляют собой союзные и бессоюзные объединения семантически близких или тождественных лексических единиц, которые могут быть как в объеме слов, так и сверхсловных единиц, обусловленные микростратегией автора, отражающей его стремление актуализировать в сознании читателя важные в коммуникативном отношении элементы описываемой ситуации.

Как показал анализ поэтических дискурсов символистов и акмеистов, на уровне высказывания важными для организации познавательной деятельности читателей являются два типа регулятивных цепочек: содержащие тождественные лексические единицы и основанные на семантической соотносительности слов [14–15].

В данной статье ограничимся рассмотрением регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц.

В зависимости от частеречной принадлежности членов регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, различаются **именные, местоименные, глагольные и наречные** регулятивные цепочки. (Заметим, что повторяющиеся предикативные наречия [16, I, с. 705] / слова категории состояния (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.) рассматриваются нами в рамках наречных регулятивных цепочек.)

¹ Н. Кульбин – редактор сборника «Студия импрессионистов» (СПб., 1910). Именно его статьей-манифестом «Свободное искусство как основа жизни» открывался данный сборник, в котором было опубликовано стихотворение В. Хлебникова «Заклятие смехом».

Наблюдения показали, что данные виды регулятивных цепочек употребляют и И. Северянин (далее – И. С.), и Г. Иванов (далее – Г. И.), и В. Маяковский (далее – В. М.), и В. Хлебников (далее – В. Х.). При этом количество регулятивных цепочек, как и доминирование тех или иных их видов, существенно отличается как у эго-, так и кубофутуристов.

В частности, именные регулятивные цепочки, передающие субъективно-модальные значения множественности, интенсивности, полноты и исключительности, доминируют в поэтических текстах И. Северянина и В. Хлебникова. Кроме того, у этих авторов среди именных регулятивных цепочек частотны субстантивные цепочки: *Мне любовь, любовь* ее нужна; *Мне лед рассудочный докучен*, – / *Я солнце, солнце* спрятал в грудь; *Снега, снега*, – как беломорье...; *Солнце, закатное солнце!* твой дирижабль оранжев!; *Хохот, свежий, точно море, хохот*, жаркий, точно кратер, / *Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер* (И. С.); *В душе его травы, осенние травы*, / *Печальные лики увядших азалий; Вихри, вихри* засвистали, / *Судно – кинули на скалы; В небе сиянье, в небе* прощенье, / *К грезам весенним дорога открыта...*» (Г. И.); *Здравствуй, / мое предсмертное солнце, / солнце* Аустерлица! (В. М.); *Олень, олень*, зачем он тяжело / *В рогах глагол любви несет?*; *Змея, змея* ли сжалится, / *Когда коня вздыбит?*; *Кормищик, кормищик*, видишь пря / *В небе хлещется, и зря?*; «*Воскликнул жрец: «О дети, дети!» – / На речь афинского посла* (В. Х.).

Адъективные регулятивные цепочки, выделяемые в рамках именных, у И. Северянина, В. Хлебникова и В. Маяковского редки, а в поэтических текстах Г. Иванова они вообще отсутствуют. Тем не менее среди членов регулятивных цепочек, относящихся к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных, отчетливо выделяется тематическая группа, обозначающая цветовые признаки: *Вы прислали с субреткою мне вчера кризантэмы – / Бледновато-фиалковые, бледновато-фиалковые...*; *Придет Поэт – он близок! близок!* – / *Он запоет, он воспарит!*; *Любви возврата нет, и мне как будто жаль / Бывалых радостей и дней любви бывалых* (И. С.); *Моя так разгадана книга лица: / На белом, на белом – два серые зня!*; *Черный дым* восходит к небу, / *Черный, мощный и густой*; *Люди, когда они любят, / Делающие длинные взгляды / И испускающие длинные вздохи* (В. Х.); *Что вы, / мама? / Белая, белая, как во гробе глазет; А полный!* Боже, до чего он *полный!*» (В. М.).

Ср. также субстантивные прилагательные в качестве членов именных регулятивных цепочек у В. Маяковского: *Звезды в платочках из синего ситца / визжали:* / «*Убит, / дорогой, / дорогой мой!*»,

«*Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!* / *Италия! Германия! Австрия!*».

Повторяющиеся имена числительные у футуристов, как и у поэтов-акмеистов, нам не встретились.

Местоименные регулятивные цепочки характерны для поэтического творчества каждого из анализируемых авторов. Как показал анализ, у поэтов-футуристов, в отличие от символистов и акмеистов, в составе цепочек представлены практически все лексико-грамматические разряды местоимений: *И я, и я* в разлуке изнемог!; *Все, все*, о чем тебя я попросил, / *Исполнил ты; Простишь ли ты мои* упреки, *мои* обидные слова; *Ужель никто, никто* из нас не понял...; *Мне много женских душ дарило / Свою* любовь, *свою* печаль... (И. С.); *И снова гимны я наигрываю / Тебе, тебе*, моя звезда; *Никого, никого* будто нет...; *Он – инок. Он – Божий. И буквы устава / Все* мысли, *все* чувства, *все* сказки связали (Г. И.); *В какой ночи / бредовой / недужной, / какими Голиафами я зачат / такой* большой / *и такой* ненужный?; *К кому же, к кому* вернуться назад ей?; «*Из столькох-то и столькох-то* котлет миллионов / *твоих* четыреста тысяч» (В. М.); *Свирепооки кони, / И кто-то, кто-то* стонет; *И, за столом присутствуя, они б / Мне* не воскликнули б: «*Что, что, товарищ, мелешь?*»; *Но, услышав нежный гомон / Этих* уст и *этих* дней, / *Он падет, как будто сломен, / На утесы меж* камней (В. Х.).

Необходимо отметить, что у представителей как эго-, так и кубофутуризма местоименных регулятивных цепочек примерно в три раза больше, чем адъективных цепочек, выделяемых в рамках именных.

Небезынтересно, что у И. Северянина количество местоименных цепочек практически в три раза выше, чем у В. Маяковского и В. Хлебникова, и в шесть, чем у Г. Иванова. С одной стороны, такой перевес регулятивных цепочек данного вида можно объяснить большим количеством стихотворений, вошедших в сборник стихов поэта (для сравнения: в «Громокипящем кубке» их 138, в сборнике Г. Иванова «Отплыть на о. Цитеру» – 40), с другой – его «эгофутуризмом». Как известно, И. Северянин стремился к самоутверждению личности, и именно из культа «я», свойственного поэту (см. стихотворение «Я гений Игорь Северянин» и др.), и возникла приставка «эго» в названии разновидности футуризма, основателем и вдохновителем которого он и стал. Представляется, что эгофутуризм И. Северянина частично создается и поддерживается благодаря семантической особенности местоимений быть сориентированным на говорящего, т. е. их эгоцентризму.

Глагольные регулятивные цепочки также свой-

ственные каждому из поэтов-футуристов. Ср. у И. Северянина: *А княжна рыдала перед ливнем, / И звала, звала меня княжна!*; *Иду, иду, под осени berceuse, / Не находя нигде от грезы места; А потом отдавалась, отдавалась грозиво, / До восхода рабыней проспала госпожа...; Люби ответно! люби приветно! Люби бездумно!*; *Взгляни вокруг себя, взгляни ж!*; у Г. Иванова: *Лечу, лечу, казалось мне, к тебе, о любовь*; у В. Маяковского: *Выплакались в орущих о побитом неприятеле: / «Ах, закройте, закройте глаза газет!»; ...и подошвами сжатая жалость визжала: «Ах, пустите, пустите, пустите!»; Тревога жиреет и жиреет, / жрет зачерствевший разум; ...а город, вытрепав ручонки-флаги, / молится и молится красным крестам; ...а видел ты когда-нибудь, как померанец / растет себе и растет на дереве?; Берите, милые, берите, чего там!*; у В. Хлебникова: *Мчимся, мчимся, станиччане; Раскройся, раскройся, широкая ткань, / Находку прекрасную застишь; Вейся, вейся, русское знамя, / Веди через сушу и через хляби!*; *Вновь труду доверил руки / И доверил разум свой.*

Примечательно, что глагольные регулятивные цепочки по частотности употребления находятся на первом месте у В. Маяковского и лишь на втором (после именных) у В. Хлебникова, И. Северянина и Г. Иванова.

У И. Северянина, В. Маяковского и В. Хлебникова, как и у поэтов-символистов (К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова и З. Н. Гиппиус), в составе глагольных регулятивных цепочек достаточно высок процент глаголов в повелительном наклонении, обладающих как ауто-, так и гетеросуггестивным воздействием.

Наречные (или адвербиальные) регулятивные цепочки имеют место в поэтических текстах И. Северянина, Г. Иванова, В. Маяковского и В. Хлебникова.

Повторяющиеся наречия чаще характеризуют действие или предмет со стороны качества, количества, способа совершения действия, реже – пространственно-временной континуум: *Что ни верста – все шире, шире / Его [стиха. – Н. П.] надменная струя; Каретка куртизанки опять все круче, круче, / И паж к ботинкам дамы, как фокстерьер, прилег...; Тебя не зная – всюду, всюду / Тебя искал я, сердцем юн...; Весело, весело сердцу! звонко, душа, освирелься!*; *Наша встреча – Виктория Регия: / Редко, редко в цвету...;* (И. С.); *Маскарад был давно, давно окончен* (Г. И.); *Но еще, / еще откуда-то пальчики – / это целые полчища улыбочек и улыбок / ломали в горе хрупкие пальчики; Скрипка издергалась, упрашивая, / и вдруг разревелась / так по-детски, / что барабан не выдержал: «Хорошо, хорошо, хорошо!»* (В. М.); *Смэйево,*

/ Усмей, осмей, смешики, смешики, / Смеюнчики, смеюнчики (В. Х.).

Если для поэтических текстов В. Хлебникова характерны регулятивные цепочки, состоящие только из двух повторяющихся лексических единиц (см. примеры, приведенные выше), то у В. Маяковского и в единичных случаях у И. Северянина и Г. Иванова имеют место регулятивные цепочки, включающие в свой состав три тождественных лексических единицы. Ср.: *Золот гордый замок строфами, золот девушками русыми, / Золот юным вдохновением и отсутствием рабов!* (И. С.); *Он – инок. Он – Божий. И буквы устава / Все мысли, все чувства, все сказки связали* (Г. И.) *...и подошвами сжатая жалость визжала: «Ах, пустите, пустите, пустите!»; “Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! / Италия! Германия! Австрия!”; Скрипка издергалась, упрашивая, / и вдруг разревелась / так по-детски, / что барабан не выдержал: «Хорошо, хорошо, хорошо!»* (В. М.).

Следует отметить, что И. Северянин, Г. Иванов, В. Маяковский и В. Хлебников, как и поэты-символисты (К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов и З. Н. Гиппиус), чаще употребляют бессознательные повторы в составе регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц.

Как видно из примеров, повторяющиеся лексические единицы в составе регулятивных цепочек могут располагаться контактно, т. е. непосредственно следовать одна за другой, или быть позиционно разделенными. Например, у Г. Иванова и В. Маяковского цепочек данных видов примерно поровну. Для В. Хлебникова типичны регулятивные цепочки с контактным расположением тождественных лексических единиц. В поэтических же текстах И. Северянина доминируют позиционно разделенные лексические регулятивные цепочки.

Анализ показал, что на уровне высказывания у эго- и кубофутуристов имеют место отмеченные ранее у символистов и акмеистов «перекрестные» лексические регулятивные цепочки, повторяющиеся тождественные члены которых относятся к разным предметам, явлениям и др. художественного мира. Ср. у И. Северянина: *Вокруг леса, вокруг закат, / И нивы, и холмы; Тут – газеллы и рапсодии, тут – и глина, и мольберт; Муж-то старый, муж-то хмурый укатил в село под Троицу; Они [принцессы. – Н. П.] вошли душой бутончатой, / Вошли – как Ромул и как Рем; у Г. Иванова: *В небе сиянье, в небе прощенье, / К грезам весенним дорога открыта...;* у В. Маяковского: *В какой ночи / бредовой / недужной, / какими Голиафами я зачат / такой большой / и такой ненужный?*; у В. Хлебникова: *В ресницах, вера, заблести, / Вера, помощница чуду; Но, услышав нежный гомон / Этих уст**

и *этих* дней, / Он падет, как будто сломлен, / На утесы меж камней.

Таким образом, поэты-футуристы в указанных сборниках стихов на уровне высказывания для организации читательской деятельности употребляют такие же виды регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, как символисты и акмеисты. Наличие данных цепочек в поэтическом дискурсе футуристов, с одной стороны, вносит вклад в развенчание существовавшего долгие годы мифа о незаинтересованности футуристов в диалоге с читателем, с другой – дает основания рассматривать их в качестве регулятивных констант поэтического дискурса Серебряного века.

Перейдем к рассмотрению новаторского у поэтов-футуристов на уровне лексических регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц.

Прежде всего обращают на себя внимание единичные случаи употребления И. Северяниным и В. Хлебниковым в составе регулятивных цепочек окказиональных лексических единиц: *Снежеет дружно, снежеет нежно, / Над ручейками хрусталит хрупь; Золот гордый замок строфами, золот девушками русыми, / Золот юным вдохновением и отсутствием рабов!* (И. С.); *Смёйево, смёйево, / Усмей, осмей, смешики, смешики, / Смеюнчики, смеюнчики* (В. Х.).

Кроме того, в поэтических текстах И. Северянина и В. Хлебникова встречаются дефисные написания повторяющихся слов («двойные контактные повторы с идентичными сегментами», по С. Г. Николаеву [17, с. 3]), что приводит к образованию сложных имен прилагательных, глаголов, наречий и местоимений.

Различия в пунктуационном и орфографическом оформлении редупликатов позволяют передать (подчеркнуть) или усилить имеющегося значения (у наречия и местоимения), или изменение значения, например, у глаголов несовершенного вида значение длительности действия (см. примеры, приводившиеся выше) меняется на значение непрерывности или интенсивности действия. Ср.: *Пойте-пойте, бубенчики ландышей, / Пойте-пойте вы мне; Я чувствую, что скоро-скоро окончится мое страданье...; Как боа кризантэмное бледно-бледно фиалково!; Много-много уж этому времени!; Все-все, что дорого, что будит вдохновенье, – / Души твоей очам!* (И. С.); *Звенят-звенят тетивы, / Стрела глаз юный пьет; Он гордость смирил еле-эле* (В. Х.).

У И. Северянина и В. Маяковского нередко лексические регулятивные цепочки, основанные на повторе тождественных лексических единиц, осложняются пунктуационно-графическими средствами, призванными дополнительно привлечь читательское внимание на уже актуализированные (за счет повтора!) те или иные важные в семантическом плане элементы описываемой ситуации.

Так, И. Северянин разделяет повторяющиеся члены регулятивных цепочек восклицательным знаком, передающим графически эмоциональную прерывистость речи: *«О, сердце! сердце! твое спасенье – в твоём безумьи!»*, *«Придет Поэт – он близок! близок!» – / Он запоет, он воспарит!»* (И. С.)

Представляется, что «неправильная» пунктуация (ненормативное употребление восклицательного знака) рассчитана на читателя. Это своего рода знак, коммуникативно-ориентированный на адресата. Будучи «отделяющим» (А. Б. Шапиро) и «интонационным знаком» (Н. С. Валгина), восклицательный знак в приведенных примерах обладает еще и экскламационной функцией, т. е. функцией знаков препинания, ориентирующих текст на произношение [18, с. 27].

У В. Маяковского в результате графической подачи стиха, в последующем (с 1923 г.) ставшей знаменитой «лесенкой» и одновременно «визитной карточкой» поэта, члены регулятивных цепочек оказываются выделенными дополнительно, так как оказываются в новой строке. См., например:

Тебе,
орущему:
**«Разрушу,
разрушу!»**,
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
бросаю вызов!

(«Я и Наполеон»)

или
А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется – и вот
я захохочу и радостно **плюну**,
плюну в лицо вам
я – бесценных слов транжир и мот.

(«Нате!»).

В стихотворении «Надоело» поэт дополнительно использует в выразительных целях дефис (для смыслового и произносительного выделения), а также шрифтовое выделение: *«Назад, / наз-зад, / назад!»* / *Страх орет из сердца, / Мечется по лицу, безнадежен и скупен.*

¹ У В. Маяковского в цитируемом издании данная лексическая единица, повторенная третий раз, выделена курсивом. В других изданиях – разрядкой.

Полагаем, что в рассмотренных примерах правомерно говорить об аппликативном характере регулятивности на уровне высказывания, возникающем в результате авторской работы над текстом: сознательного «наложения» (наслоения) графических регулятивных средств на лексическую регулятивность.

Приведенные примеры показывают, что поэтические тексты футуристов, в частности И. Северянина и В. Маяковского, рассчитаны не только на визуальное восприятие, но и на их произношение (декламацию), причем не только потенциальным читателем, но и самим автором. Общеизвестный факт: на прошедшем 27 февраля 1918 г. в стенах Политехнического музея поэтическом вечере Игорь Северянин был избран «Королем поэтов». Владимир Маяковский был вторым.

Необходимо отметить, что, кроме усиления смысловых признаков одного из элементов ситуации за счет повтора лексем, в стихотворениях И. Северянина (достаточно часто) и В. Хлебникова (редко) имеют место случаи, когда усиливается весь смысл описываемой ситуации.

Это выражается в повторе предложений (или грамматических основ), находящихся как в рамках сложного высказывания, так и употребляемых самостоятельно и расположенных контактно, например: – *Все по-старому...* – сказала нежно, – / *Все по-старому...*; *О, моя дорогая! Ведь теперь еще осень, ведь теперь еще осень...*; *Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все для ребенка...*; *Он жив! Он жив! Он пьет очами сердца / Пустой простор; Вы шли печальные. Как я. Как я! Журчали ландыши в сырой траве; Он не пришел к Виктории Регине, / Он не пришел; Шампанского в лилию! Шампанского в лилию!* – // *Ее целомудрием свято оно (И. С.); Кто он, кто он, чего он хочет?; Эй! Не будь сурова, не будь сурова, / Но будь проста, как вся дуброва (В. Х.).*

К идиостилевым особенностям И. Северянина следует отнести повтор в одной строке контактно расположенных высказываний с заменой одного из слов, отражающих элемент описываемой ситуации (часто на синонимы). Данные лексемы нередко разделены восклицательным знаком, реализующим экскламационную функцию: *Ведь это вздор! ведь это просто чушь!*; *О, милая, как я печальюсь! о, милая, как я тоскую!*; *Было все очень просто, было все очень мило: / Королева просила перерезать гранат.*

Данные регулятивные структуры на уровне стиха соотносятся с лексическими регулятивными структурами, основанными на стилистическом

приеме синтаксического параллелизма, употребляемыми символистами и акмеистами на уровне блока высказываний и целого текста. Ср., например, дистантный повтор высказываний с заменой одного из членов на синонимичный в стихотворении К. Д. Бальмонта «Я не могу понять, как можно ненавидеть...» из сборника «Будем как солнце»:

Я всех люблю равно любовью равнодушной,

Я весь душой с другим, когда он тут, со мной,
Но чуть он отойдет, как светлый и воздушный,
Забвением я дышу – свою тишиной.

<.....>

Я всех люблю равно любовью безучастной,

Как слушают волну, как любят облака ...

(Подробнее о лексической регулятивности на уровне блока высказываний и целого текста у символистов см. [19].)

Кроме тождественного повтора всех элементов описываемой ситуации на уровне стиха (строки стихотворного текста) у поэтов-футуристов обращают на себя внимание случаи, когда элементы описываемой ситуации при последующем повторе оказываются зеркально-симметричными или претерпевают различные трансформации.

Примеры зеркальной симметрии встретились у И. Северянина и В. Маяковского. В стихотворных строках И. Северянина симметрия, меняя синтаксические функции повторяющихся лексических единиц, обеспечивает интонационное выделение и субъекта и объекта действия: *Море любит солнце, солнце любит море...*; *Скалы молят звезды, звезды молят скалы.*

Если в приведенных примерах из стихотворений И. Северянина регулятивные структуры описывают «гармоничные взаимоотношения» вечных предметов внешнего мира, окружающего человека (моря, солнца, скал, звезд), то в стихотворении В. Маяковского «Теплое слово кое-каким пророкам» подобная лексическая регулятивная структура (*Потеете и трудитесь, трудитесь и потеете*) призвана передать монотонность и бессмысленность действий, выполняемых людьми.

Данные регулятивные структуры, основанные на зеркальной симметрии, будем называть лексическими регулятивными структурами монотипного вида¹. Как видно, они позволяют передать характерную для футуристов идею обратимости и повторяемости. (Ср. написанное в форме «буквенного» палиндрома стихотворение В. Хлебникова «Перевертень», подробный разбор которого представлен в работе [20] в связи с рассмотрением такого явления, как палиндромия. Заметим, что каждая строка в данном стихотворении имеет свой

¹ Монотипия – один из видов графической техники, позволяющий получить один оттиск. Она была изобретена итальянским художником и гравером Джованни Кастильоне в XVII столетии, но широкое распространение получила лишь в конце XIX в.

центр симметрии, что создает эффект монотипии.)

Элементы описываемой ситуации при последующем повторе могут претерпевать различные трансформации, или «сдвиги», согласно теории А. Кручёных [21]. В частности, «сдвиги» при повторе описываемой ситуации отмечаются в поэтических текстах И. Северянина. Так, в стихотворении «Клуб дам» формально неполная (частичная) монотипия с заменой союза позволяет «увидеть» сходство между одушевленным и неодушевленным объектами, которые, на первый взгляд, ничего общего между собой не имеют: – **Индейцы** – *точно ананасы, и ананасы* – как **индейцы**... / *Остриг креолка, вспоминая о экзотической земле.*

Нередко И. Северянин меняет местами определяемое слово и определяющее на уровне ситуации: *О, бездна тайны! О, тайна бездны!* Ср. такую же замену на уровне элемента ситуации: *Пойте – пойте, бубенчики ландышей, / Пойте – пойте вы мне – / О весенней любви, тихо канувшей, / О любовной весне.*

В результате предпринятых трансформаций возникает хиазм или, по М. Эпштейну, анафраза (см. о ней [22]). Кроме того, у И. Северянина могут меняться местами объект и локатив: **В шампанское лилию! Шампанского в лилию!**

Как видно, приведенные примеры подтверждают положение, сформулированное А. Кручёных: «Сдвиговой прием оживляет конструкцию стиха, динамизирует слова!» [21]. В ряде случаев именно «сдвиг» меняет функцию повторяющихся лексических единиц, переводя их из разряда ориентирующих в разряд когнитивных.

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать некоторые выводы.

Лексическая регулятивность на уровне высказывания в поэтическом дискурсе футуристов имеет много общего с лексической регулятивностью на этом уровне у символистов и акмеистов. Это проявляется в употреблении И. Северяниным, Г. Ивановым, В. Маяковским и В. Хлебниковым различных видов регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц (именных, местоименных, глагольных и наречных), характерных для поэтических дискурсов символистов и акмеистов.

Новаторство поэтов-футуристов, в большей мере свойственное И. Северянину и В. Маяковскому, состоит в следующем:

– в использовании И. Северяниным и В. Хлебниковым в составе регулятивных цепочек окказиональных лексических единиц;

– в аппликативном характере регулятивности на уровне высказывания у И. Северянина и В. Маяковского;

– в употреблении И. Северяниным и В. Маяковским лексических регулятивных структур монотипного вида, передающих идею обратимости и повторяемости;

– в различных трансформациях повторяющейся ситуации (или ее элементов), предпринимаемых И. Северяниным, что приводит к смене функции, выполняемой повторяющимися лексическими единицами: с ориентирующей (указывающей на значимый элемент / элементы ситуации) на когнитивную.

В целом приведенный в статье материал свидетельствует о заинтересованности поэтов-футуристов в установлении диалога с потенциальным читателем.

Список литературы

1. Клинг О. Футуризм и «старый символистский хмель». Влияние символизма на поэтику раннего русского футуризма // Вопросы литературы. 1996. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1996/5/kling.html>
2. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. 151 с.
3. Иванюшина И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2003. 46 с.
4. Шукуров Д. Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2007. 43 с.
5. Болотнова Н. С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 328–331.
6. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 34–40.
7. Барковская Н. В. Поэзия серебряного века: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 1999. 170 с.
8. Северянин И. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Кошелева. М.: Сов. Россия, 1988. 464 с.
9. Иванов Г. Отплытие на о. Цитеру. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt>
10. Маяковский В. В. Простое как мычание / послесл. Е. Майорова. М.: Книга, 1990. 116 с. (Книжные редкости. Библиотека репринтных изданий).
11. Маяковский В. В. Сочинения: в 3 т. : Т. 1. Я сам. Стихотворения (1912–1925) / вступ. ст. А. Суркова; примеч. Г. Черемина. М.: Худож. лит., 1978. 559 с.

12. Хлебников В. Творения / общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева, А. Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
13. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 349–372.
14. Петрова Н. Г. Лексическая регулятивность на уровне высказывания: универсальное и индивидуальное в поэтическом дискурсе символистов // Сибирский филологический журнал. 2010. № 3. С. 134–143.
15. Петрова Н. Г. К вопросу о лексической регулятивности на уровне высказывания в поэтическом дискурсе акмеистов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 217–222.
16. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова; редкол.: Н. Д. Арутюнова и др.; Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Наука, 1982. Т. 1. 783 с.; Т. 2. 709 с.
17. Николаев С. Г. Двойные контактные повторы с асемантизированными сегментами (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1986.
18. Кольцова Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2007. 48 с.
19. Петрова Н. Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 6 (96). С. 39–45.
20. Бубнов А. Палиндромия: от перевертня до пантограммы // НЛО. 2002. № 57. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/bub1.html>
21. Кручёных А. Кукиш прошлякам. Москва; Таллин: Гилея, 1992. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/kruchenih-kukish.html>
22. Эпштейн М. Анафраза: языковой феномен и литературный прием // Вопросы литературы. 2006. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/5/ep14.html>

Петрова Н. Г., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры.
Новосибирский государственный педагогический университет.
Ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126.
E-mail: npetrova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 11.02.2013.

N. G. Petrova

THE TRADITIONAL AND THE INNOVATIVE IN LEXICAL REGULATIVITY AT THE LEVEL AN UTTERANCE IN THE POETIC DISCOURSE OF FUTURISTS

In the article on the basis of the poetic discourse of the futurists, presented by the poetry collection “Gromokipyaschy Cup” (1913) by I. Severyanin, “Sailing to the I. Citer” (1912) by G. Ivanov as well as V. Mayakovsky’s and V. Khlebnikov’s poems, written by the poets until 1917, the peculiarities of lexical regulativity on the level of an utterance are regarded. The universal and the individual are revealed in organizing readers’ cognitive activity by different authors.

Key words: *poetic discourse, futurism, utterance, regulativity, regulative chains, based on the repetition of identical lexical units.*

Novosibirsk State Pedagogical University.
Ul. Viluiskaya, 28, Novosibirsk, Russia, 630126.
E-mail: npetrova@ngs.ru